

О. И СЕНКОВСКИЙ

Рецензия на «Миргород». Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя

(Н. Гоголь. С.-Петербург,
в тип. Департамента Внешней Торговли, 1835. Две части)

Вот это совсем другое дело! Тут нет ни всеобщей истории, ни изящных художеств, есть только сказки, и г. Н. Гоголь, у которого мы уже в прошлом месяце заметили¹ особенное дарование рассказывать шуточные истории, является повествователем занимательным, умным, оригинальным. Малороссийская повесть — настоящая его сфера. Эти два тома читаются легко и приятно.

В «Миргороде» четыре повести. Лучшая из них — «Тарас Бульба». В ней очень живо нарисована картина Запорожской Сечи и казацкого удалства. Изображение материнской любви замечательно по верности и простоте красок...

(Далее приводится отрывок из повести, начинающийся словами: «При виде своих сыновей, рослых и здоровых, в Бульбе вдруг вспыхнул весь воинский дух его» и кончающийся: «Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразною её летам, выбежала за ворота, с непостижимую силою остановила лошадь и обняла одного из них с какою-то помешанною бесчувственною горячностью. Её опять увели». — *Л.С.*)

Такие же страницы, в которых проглядывает неподдельное чувство, встречаются и во второй повести — «Старосветские помещики». Во второй части их нет. Там автор поместил старую свою повесть «О том как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем», напечатанную в «Новоселье», и ещё другую — «Вий», взятую из народного предания. О первой из них мы всегда

были того мнения², что она очень грязна. В «Вий» нет ни конца, ни начала, ни идеи, — нет ничего, кроме нескольких страшных, невероятных сцен. Тот, кто списывает народное предание для повести, должен ещё придать ему смысл: тогда только оно делается произведением изящным. Вероятно, что у малороссиян «Вий» есть какой-нибудь миф, но значение этого мифа не разгадано в повести.

